

Вл. Гиляровскій.

ТРУЩОБНЫЕ ЛЮДИ.

ЭТЮДЫ СЪ НАТУРЫ.

Человѣкъ и собака.—Безъ возврата.—Обреченные.—Одинъ изъ многихъ.—Свирька.—Въ балаганѣ.—Колесовъ.—„Въ глухую...“—„Каторга“. — Последний ударъ.— Неудачникъ.— Потерявшій почву.— Въ царствѣ гномовъ.— Въ бою.— Грезы.

МОСКВА.

Типографія бр. Вернеръ, Арбатъ, домъ Каринской.

1887 г.

Вл. Гиляровскій.

ТРУЩОБНЫЕ ЛЮДИ.

ЭТЮДЫ СЪ НАТУРЫ.

МОСКВА

Типографія бр. Вернеръ, Арбатъ, домъ Каринской.

1887 г.

Послѣдній ударъ.

Послѣдній ударъ.

(Очеркъ изъ жизни биллиардныхъ.)

Онъ вошелъ въ биллиардную. При его появленіи начался шопоть, взгляды всѣхъ обратилсь къ нему.

— Василій Яковлевичъ, Василій Яковлевичъ.... капитанъ пришелъ!—послышалось въ разныхъ углахъ.

А онъ стоялъ у дверей, прямой и стройный, высоко поднявъ свою, съ сѣдой львиною гривой, голову, и смотрѣлъ на играющихъ. На его болѣзненно-блѣдномъ лицѣ появлялась порою улыбка. Глаза его изъ глубокихъ орбитъ смотрѣли безстрастно, и измѣнялась лишь линія мертвенно-блѣдныхъ губъ, покрытыхъ длинными сѣдыми усами.

Капитанъ—своего рода знаменитость въ мірѣ биллиардныхъ игроковъ.

Игра его была поистинѣ пзумительна. Онъ игралъ не по-маркерски, не по-шуллерски, а блестящимъ вольнымъ ударомъ.

Много лѣтъ существовалъ онъ одною игрой, но съ каждымъ годомъ ему труднѣе и труднѣе приходилось добывать рубли концомъ кія, потому-что его игру узнали всюду и брали съ него такъ много впередъ, что только нужда заставляла его мѣнять свой блестящій „капитанскій“ ударъ на іезуитскія штуки.

Въ бильярдныхъ посѣтителямъ даются разныя прозвища, которыя настолько входятъ въ употребленіе, что собственныя имена забываются. Такъ одного прозвали „енотовые штаны“, за то, что онъ когда-то явился въ мохнатыхъ брюкахъ. Брюкъ этихъ онъ и не носилъ ужъ послѣ того много лѣтъ, но прозваніе такъ и осталось за нимъ; другаго почему-то окрестили „утопленникомъ“, третьяго „подрядчикомъ“, пятаго „кузнецомъ“ и т. п.

Василія же Яковлевича звали капитаномъ, потому-что онъ на самомъ дѣлѣ, былъ капитанъ въ отставкѣ, Василій Яковлевичъ Казаковъ.

Въ юности, не кончивъ курса гимназіи, онъ поступилъ въ пѣхотный полкъ, въ юнкера. Началась разгульная казарменная жизнь, съ ея лѣнью, съ ея монотоннымъ шаганьемъ „справа по одному“, съ ея „нап-пле-чѣ!“ и „шай, нак-кра-улъ!“ и пьянствомъ при каждомъ удобномъ случаѣ. А на

пьянство его отецъ, почтовый чиновникъ какого-то уѣзднаго городка, присылалъ рублей по десяти въ мѣсяцъ, а въ праздники, получивши мзду съ обывателей, и по четвертному билету.

„Юнкерація“ жила въ казармахъ, на отдѣльныхъ нарахъ, въ ящикахъ которыхъ, предназначенныхъ для бѣлья и солдатскихъ вещей, можно было найти пустые полуштофы, да и то при благосостояннн юнкерскихъ кармановъ, а въ минуту безденежья „посуда“ пропивалась, равно какъ и трехфунтовой хлѣбный паекъ за мѣсяцъ впередъ, и юнкера хлебали щи съ „ушкомъ“ вмѣсто хлѣба. Баталіонный острякъ, унтеръ-офицеръ Орлякинъ, обѣдая со своимъ взводомъ, бывало, откладывалъ свой хлѣбъ, лѣвой рукой брался за ухо, а правой держалъ ложку, и хлебая щи, говорилъ: „по-юнкерски, съ ушкомъ“.

У юнкеровъ была одна завѣтная вещь, никогда не пропивавшаяся; это гитара Казакова, великаго виртуоза по этой части.

Подъ звуки ея юнкера пѣли хоромъ пѣсни и плясали въ минуту разгула. Гитара сдѣлала Казакова первымъ билліарднымъ игрокомъ.

Переходъ отъ перваго инструмента ко второму совершился случайно. Казаковъ прославился игрой на гитарѣ по всему городу, а любители купцы и чиновники таскали его на вечеринки и угощали въ трактирахъ.

Казаковъ сталъ бывать въ билліардныхъ, шутя сыгралъ партію съ кѣмъ-то изъ пріятелей, а черезъ годъ уже обыгрывалъ всѣхъ маркеровъ въ городѣ.

Дорого, однако, Казакову стоило выучиться. Много разъ приходилось обѣдать „съ ушкомъ“, вмѣсто хлѣба, еще больше сидѣть въ темномъ корпусѣ подъ арестомъ за опозданіе на ученіе....

Его произвели въ офицеры, дали роту, но онъ не оставлялъ игры.

Слава о немъ, какъ о первомъ игрокѣ, достигла столицъ, а вскорѣ онъ и самъ попалъ сюда и сдѣлался профессиональнымъ игрокомъ.

Опоздавъ на какой-то важный смотръ, гдѣ присутствіе его было необходимо, Казаковъ, по предложенію высшаго начальства, до котораго стали доходить разные слухи о немъ, какъ о билліардномъ шуллерѣ, долженъ былъ выйти въ отставку.

Ему некуда было больше идти, какъ въ билліардную. И пошла жизнь игрока.

То въ карманѣ сотни рублей, то на другой день капитанъ пьетъ чай у маркеровъ и раздобывается „трешницей“.

Когда своихъ денегъ не было подолгу, находились антрепренеры, водившіе Казакова по билліарднымъ. Они давали денегъ на крупную, вѣрную игру, брали изъ выигрыша себѣ льви-

ную долю, и давали капитану гроши „на харчи“.

Онъ игралъ въ клубахъ, былъ принятъ въ порядочномъ обществѣ, одѣвался у лучшихъ портныхъ, жилъ въ хорошемъ отелѣ и... велъ тѣсную дружбу съ маркерами и шуллерами. Они сводили ему игру.

Шли годы. Слава его, какъ игрока, росла, извѣстность его, какъ порядочнаго человѣка, падала.

Изъ клубныхъ билліардныхъ онъ перебрался въ лучшіе трактиры; потомъ сталъ завсегдатаемъ трактировъ средней руки.

И здѣсь узнали его. Приходилось сводить игру непосильную, себѣ въ убытокъ.

Капитанъ, послѣ случайнаго, крупнаго выигрыша, бѣжалъ изъ столицы на югъ и началъ гастролировать по билліарднымъ. Лѣтъ въ семь онъ объѣздилъ всю Россію и наконецъ снова появился въ столицѣ.

Но ужъ не тотъ, что прежде: состарѣлся.

Отъ прежняго джентльмена-капитана остались гордая, военная осанка, сѣдая роскошная шевелюра и сильно поношенный, но прекрасно сидѣвшій черный сюртукъ.

Вотъ какимъ онъ явился въ билліардную бульварнаго трактира послѣ семилѣтняго отсутствія.

Играли на деньги два извѣстные столичные

игрока: старикъ, подслѣповатый, лысый, и молодой маркеръ изъ сосѣдняго трактира.

Маркеръ проигрывалъ и горячился, старикъ хладнокровно выигрывалъ партію за партіей и съ каждымъ ударомъ жаловался на свою старость и немощь.

— Ничего, голубушки мои, господа почтенные, не вижу, ста-арость пришла!—вздыхаетъ старикъ и съ трескомъ „дѣлаетъ“ трудный шаръ.

— Старый чортъ, кромѣ лузы ничего не видитъ! —сердится партнеръ.

— Подрѣзаю красненькаго.

— Тридцать пять и очень досадно!— считаетъ маркеръ.

— Въ уголъ.

— Не было. Никого играютъ, тридцать пять дожидають!

— Батюшки мои свѣты! Кого это я вижу, сколько лѣтъ, сколько зимъ, голубушка Василій Яковлевичъ! какими судьбами-съ?!

— На твою игру, Прохорычъ, посмотрѣть приѣхалъ; изъ Нижняго теперь....

Прохорычъ, живо кончивъ партію, бросилъ вѣй, и два старика, „собратья по оружію“, жарко обнялись, а потомъ усѣлись за чай.

— Гдѣ побывалъ, Василій Яковлевичъ?

— Дурно кончилъ.—Теперь изъ Нижняго, въ больницѣ лежалъ, мѣсяца три, правая рука сло-

мана, самъ развинтился.... Все болить, Прохорычъ!

Прохорычъ вздохнулъ и погладилъ бороду.

— Руку-то гдѣ повредили?—спросилъ онъ, помолчавши.

— Въ Нижнемъ, съ татаринომъ игралъ. Прикинулся, подлець, неумѣлымъ. Деньжатъ у меня а-ни-ни. Думалъ—навѣрное выиграю какъ и всегда, а тутъ вышло иначе. Три красныхъ стало за мной, да за партіи четыре съ полтиной. Татаринъ положилъ вѣй: доплите, говоритъ, деньги! Таеъ и таеъ, говорю, повремените: я, молъ, такой-то. Назвалъ себя. А татаринъ-то себя назвалъ: а я, говоритъ, Садыкъ.... И руки у меня опустились....

— Садыкъ, Садычка?—Ну, на чорта, Василий Яковлевичъ, налетѣлъ.

— Да, Садыкъ. Деньги, кричитъ, мнѣ подавай. Маркеръ за партіи требуетъ. Я было и на утекъ, да нѣтъ....

— Ну, что дальше, что?

— Избили, Прохорычъ, да въ окно выкинули.... Со втораго этажа въ окно, на мощный дворъ.... Руку сломали.... И надо же было!... Н-да. Полежалъ я въ больницѣ, вышелъ—вотъ одинъ этотъ сюртучокъ на мнѣ, да узелочекъ съ бѣльемъ. Собрали кое-что маркеры въ Нижнемъ, отправили по желѣзной дорогѣ, билетъ купили. Дорогой же

— другая бѣда, указъ объ отставкѣ потерялъ, и теперь на бродяжномъ положеніи.

Капитанъ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ гордо державшій, по военной привычкѣ, свою голову и станъ, какъ-то осунулся.

— Ну, а игра, Василь Яковлевичъ, все та же? Капитанъ встрепенулся.

— Не знаю; изъ больницы вышелъ, еще не пробовалъ. Недѣли двѣ только руку съ перевязки снялъ.

— Поди, похуже стала.

— А можетъ отстоялась. Когда я долго не играю—лучше игра. Думаю свести.

— Своди, что же—на красненькую.... Прохорычъ незамѣтно сунулъ подъ блюдечко десятирублевку.

— Спасибо, старій другъ, спасибо,—выручаешь въ тяжкую минуту.

— Мы старую клѣбъ-соль не забываемъ!

Капитанъ взялъ кій въ руки.

— За капитана держанье, держу за капитана красный билетъ!—послышалось во всѣхъ углахъ. Посыпались на столы кредитки....

Капитанъ гордо выпрямился.

Его партнеръ, извѣстный игрокъ Свистунъ, молодой мальчикъ, началъ партію. Ловко, „тонкимъ зефиромъ“, его шаръ скользнулъ по боку пирамидки и вернулся назадъ.

Капитанъ оперся на бортъ, красиво согнулъ свой тонкій, стройный станъ, долго цѣлился и необычайно сильнымъ ударомъ „въ лобъ“ перваго шара пирамиды, разбилъ всѣ шары, а своего краснаго вернулъ на прежнее мѣсто. Ударъ былъ поразительный.

— Bravo, капитанъ, bravo! — аплодировала, восхищаясь, билліардная.

Но капитану было не до того. Онъ схватился лѣвою рукою за правую и блѣдный, какъ мертвецъ, со стономъ опустился на стулъ.

Свистунъ сдѣлалъ ударъ, и не отыгрался. Его шаръ всталъ по срединѣ билліарда, какъ разъ подъ всей партіей. Стоило положить одного шара и выиграть все.

А капитанъ, удивившій минуту тому назадъ билліардную своимъ былымъ знаменитымъ „капитанскимъ“ ударомъ, продолжалъ стонать, сидя на стулѣ.

Вся билліардная столпилась около него.

— Рука моя.... рука.... Умираю.... Она сломана!—стоналъ капитанъ.

Ему дали воды. Онъ немного оправился и помутившимися глазами смотрѣлъ на окружающихъ.

— Играйте, играйте, вашъ ударъ!—требовалъ Свистунъ и державшіе за него.

— Пусть другой играетъ, онъ не можетъ, видите: боленъ!—говорили противники.

— А боленъ, не берись! Мы тоже деньги ставили.

— Послушай, Свистунъ, я стою подо всей партіей, равойдемся!—посмотрѣвъ на билліардъ, промолвилъ капитанъ.

— Играйте-съ!

Капитанъ, блѣдный, съ туманнымъ взоромъ, закусивъ отъ боли губу, положилъ правую руку за борть сюртука, всталъ, взялъ въ лѣвую руку кій и промахнулся.

Свистунъ съ удара сдѣлалъ партію и получилъ деньги.

Капитанъ безъ чувствъ лежалъ на стулѣ и столѣ.

Кто-то, уплачивая проигрышъ, обругалъ его „старымъ воромъ, бродягой“.

Его выгнали больнаго, измученнаго, изъ билліардной и отобрали у него послѣднія деньги. На улицѣ бѣдняка подняли дворники и отправили въ пріемный покой. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; о капитанѣ никто ничего не слыхалъ, и его почти забыли. Прошло еще около года. До билліардной стали достигать слухи о капитанѣ, будто онъ живетъ гдѣ-то въ ночлежномъ домѣ и питается мпlostыней.

Это было вѣрно: капитанъ дѣйствительно жилъ въ ночлежномъ пріютѣ, а по утрамъ становился на паперть вмѣстѣ съ нищими, между которыми

онъ извѣстенъ за „безрукаго барина“. По вечерамъ его видали сидящимъ въ билліардныхъ грязныхъ трактировъ.

Онъ посѣдѣлъ, осунулся, станъ его согнулся, а жалкіе лохмотья и ампутированная рука сдѣлали его совсѣмъ непохожимъ на былаго щеголя-капитана.